КВАРТИРЫ от 10500 грн/м2 В ПОСТРОЕННОМ ДОМЕ МАДАГАСКАР

11 августа, 23:13

Испано-французский архитектор – о доме Руссова, Одессе как городе «без фаллосов» и необходимости «спуститься к морю»

Известный испано-французский архитектор советского происхождения Мануэль Нуньес-Яновский снова посетил наш город. Как и прошлый раз (пять лет назад), не просто так, а из-за многострадального дома Руссова, реконструкция которого никак не начнется, в силу ряда объективных и субъективных причин, связанных в основном с противоречиями между муниципалитетом и владельцем большей части квартир в здании – корпорацией «Инкор».

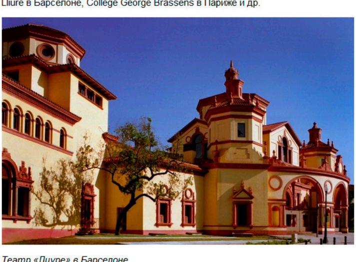
Яновский, который все еще сотрудничает с последней, по-прежнему надеется, что его проект превращения части квартала, ограниченного Садовой, Преображенской и Пастера, в «зеленое сердце Одессы» все-таки будет принят общественностью и городской властью.

По мнению творца, это даст толчок дальнейшему развитию южной столицы Украины, которая, уверен он, имеет все шансы превратиться в восточноевропейскую Ниццу.

Мы встретились с архитектором, чтобы узнать подробности грандиозного замысла по преобразованию центра города. Поговорили и о более общих вещах.

Мануэль Нуньес-Яновский – человек интереснейшей судьбы, с богатым творческим багажом.

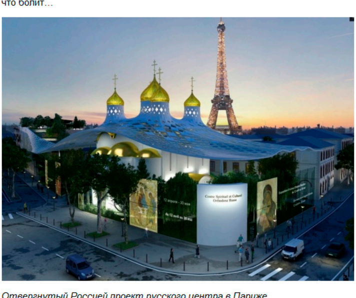
Родился он в Самарканде, в семье репрессированного испанского коммуниста. Детство и отрочество провел в Одессе. В 1957-м вместе с родителями выехал во франкистскую Испанию, в Барселону, где со временем стал видной фигурой в среде левой оппозиции. Окончил факультет истории и археологии Барселонского университета и Школу драматического искусства Адриа Гуалью. Реализовал более пятидесяти архитектурных проектов в десятке стран мира. Среди его работ — жилой комплекс Арена Пикассо в Нуази-ле-Гранд, институт ESADE и инновационный комплекс Teatre Lliure в Барселоне, College George Brassens в Париже и др.



Театр «Лиуре» в Барселоне

Капелла Меричель в Андорре

Именно он делал проект православного собора и русского духовно-культурного центра в Париже. С храмом, правда, вышел скандал: несмотря на победу в конкурсе, предложение Мануэля отвергли российские церковники и правительство РФ, посчитавшие его идею «нескромной». Одному из иерархов РПЦ навес над храмом напомнил задравшуюся юбку балерины. Возможно, хулиганистый архитектор (а он именно такой – любит эпатировать публику) что-то такое и задумывал, но ход мыслей почтенного священника, на наш взгляд, показателен. Как говорится, у кого что болит…



Отвергнутый Россией проект русского центра в Париже

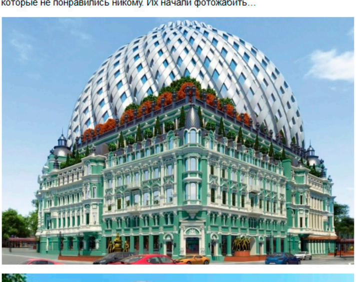
Внешне наш собеседник – чистопороднейший испанец. Или гасконец. Сухопарый, смуглый, энергичный. Одевается скромно, но со вкусом. Усат и явно неравнодушен к слабому полу. Эдакий современный д'Артаньян, только вместо шпаги – карандаш.

Одессу любит бесконечно – он помнит ее еще послевоенной, лежащей в руинах, — но на любви лежит отпечаток профессионализма. Иностранный зодчий не сторонник сохранения нашего центра в качестве огромного музейного экспоната. Нуньес уверен: будь у одесских архитекторов больше фантазии, у власть имущих и их спонсоров – вкуса, а у одесситов – настойчивости в отстаивании своих интересов, а также поменьше консерватизма, была бы Причерноморская Пальмира городом-сказкой, городом мечты.

Он раздражен критикой задуманного им мегакупола над кварталом Руссовым (помните, того, который фотожабили все кому не лень?) и ненавидит всеми фибрами души гостиницу на Морвокзале.

Словом, человек-парадокс.

«Думская»: господин Нуньес-Яновский, хочется уточнить ваши биографические данные. Интернет реставрации дома Руссова, согласованный с Тарпаном (владелец «Инкора», — Ред.), но презентации так и не было, а потом в интернете появились картинки с огромным куполом, которые не понравились никому. Их начали фотожабить…



Одна из фотожаб

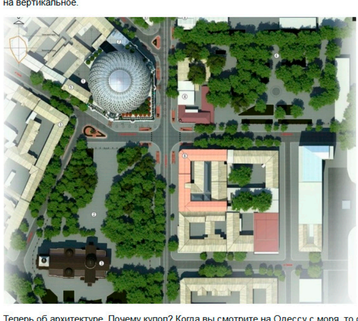
М.Н.-Я.: О, это были прекрасные карикатуры. Мне понравились почти все! С юмором у одесситов по-прежнему все в порядке.

«Думская»: Это ведь был эскиз вашего проекта?

М.Н.-Я.: Да, и я не собираюсь от него отказываться. Уверен, что весь сыр-бор произошел из-за того, что проект не был представлен по-человечески ни мэрии, ни одесситам. Только какие-то картинки, точнее одна картинка, вырванная из контекста. Понимаете, тогда, в 2010-м, у вас была предвыборная кампания. Мои партнеры надеялись презентовать проект накануне дня голосования. А потом, видимо думали они, Гурвиц выиграет выборы, и все пойдет, как надо. Но Гурвиц выборы проиграл, новый мэр предложением не заинтересовался, кроме того, усугубился строительный кризис, и проект стал временно неактуальным. Сейчас мы снова готовы его отстаивать. Внесем, конечно, некоторые коррективы, а в сентябре, думаю, состоится настоящая, полноценная презентация…

«Думская»: Но этот непонятный купол останется?

М.Н.-Я.: Давайте по порядку. С точки зрения градостроительной, проект предусматривает создание так называемого «зеленого сердца Одессы». Если вы посмотрите на карту, то увидите, что справа и слева от квартала, который мы хотим преобразить, находятся две зеленые зоны – Городской сад и Соборка. Дом Руссова, дом Либмана и другие, которые мы хотим связать в один комплекс, должны доминировать в этой среде. И сами стать зелеными! Сады на террасах, даже в межоконных пространствах мы предусмотрели зеленые насаждения. С системами орошения, освещения и отопления. Это будет феерично, я вас уверяю! Переход от горизонтального озеленения на вертикальное.



Теперь об архитектуре. Почему купол? Когда вы смотрите на Одессу с моря, то она предстает пред вами городом куполов. Разных куполов – приплюснутых, конусообразных, пирамидальных. Как в Вене, Берлине и Париже. Идея состоит в том, чтобы уравновесить с фасадной стороны купол Оперного, возле которого находится шпиль Спасо-Преображенского собора. Вашему и моему городу нужна новая доминанта, надо восстановить иерархию! А то сейчас весь вид портит уродство на морвокзале и «Мерседес» в парке Шевченко.

Мне один ваш чиновник как-то заявил, что я хочу сделать из дома Руссова мужской половой орган (в оригинале иначе, но мы воздержимся от дословного цитирования, — Ред.). Я аж подпрыгнул! Какой, к чертовой бабушке, мужской орган?! Это ведь купол! Мужские органы – это шпили, небоскребы, башни, а купола – это женские животы. Живот Богородицы. Очень соответствует православной культуре. Член – это арабские минареты, это колокольни, а купола – это женские животы. Или груди – как кому нравится. Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции, римский Пантеон, Святая София в Стамбуле-Константинополе, Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге. И одесская Опера!

Купол будет двойным, как положено. В срединной части – атриум, в котором расположится огромный конгресс-холл на 3500 человек. Его «Инкор» готов передать городу – для проведения масштабных мероприятий: фестивалей, концертов, конференций. Между атриумом и наружным куполом – бизнес-центр. Внешний купол будет покрыт цинк-титаном, внутренний – стеклянный. Внизу – три уровня стоянок, подземный торговый центр, который будет выходить в подземный переход на перекрестке Дерибасовской и Преображенской. Он сейчас представляет из себя жалкое зрелище. Два уровня отведены под музеи и галереи. Предусмотрены террасы, лифты и так далее.

Это должно стать той точкой, с которой начнется новый расцвет Одессы. Вы сейчас себя позиционируете как туристический город, но туризм у вас всего три месяца летом. А тут будет конгресс-холл, площадка, которая привлечет людей со всего мира…

«Думская»: Дорогая задумка. И вы думаете, что Тарпан вот прямо так передаст атриум городу?

М.Н.-Я.: Несомненно, он частник и хочет заработать. Но в данном случае это больше имиджевый проект. Рентабельность будет обеспечивать все, что до купола. А вот купол даст добавочную стоимость городу. Это идеальное предложение, я считаю.

«Думская»: А почему именно соединение титана в качестве покрытия?

М.Н.-Я.: Ну, я сначала предложил сделать купол бронзовым, оформить его в виде зеленых листьев каштана с белыми цветами. Но во-первых, это слишком дорого, а во-вторых, такой благородной патиной, как в старину, нынешняя бронза не покрывается – слишком она чистая. Не позеленеет, а останется коричневой. Соединения титана долговечны, а цинк-титан – блестящий, отражает свет, купол из него словно растворяется в небе.

«Думская»: Отвлечемся от дома Руссова. Как вы вообще оцениваете уровень ваших коллег в Одессе? Есть ли у нас интересные архитекторы?

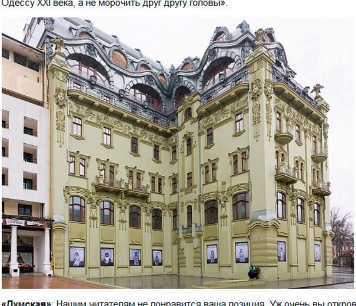
М.Н.-Я.: После развала СССР вся архитектурная публика бросилась в «модерн». И не потому, что этот архитектурный стиль им очень нравился. Все дело в историческом разрыве, произведенном революциями и гражданской войной. Это возвращение — попытка вернуться в эпоху их бабушек и дедушек. Им показывали фотографии: «Вот этот дом построили твои бабушка с дедушкой… Вот тут они жили… Вот тут они построили аптеку и сделали магазинчик…» И все это — в модерне, и так я объясняю их подсознательную тягу к этому стилю. Это не только в Украине — в России все точно таким же образом происходит.

Те, кто не увлекся модерном, ушли в «стекло» или в псевдоклассицизм. Но лично я предпочитаю именно этот «модерн». Он вписывается в старую архитектуру. Через 10-15 лет это войдет в историю, как вошли «сталинские» здания, и люди, которые не интересуются историей архитектуры, которым интересно только нынешнее устройство города, будут говорить: «Ты посмотри, как строили в конце XIX века!» А на самом деле это здание построено в 1999-м или в 2000-х. И я считаю, что это правильно.

Люди устали немного от этих «стекляшек». К сожалению, прошло 25 лет, но украинская архитектура не дала обществу то, что общество от нее ожидало. Я считаю, что архитекторы — это люди, которые все-таки принадлежат к передовому сословию, но они не дали, не предложили украинскому обществу чего-то нового, чего-то по-настоящему украинского. А ведь все предпосылки были! У вашей страны очень богатая культура. Как когда-то строители сталинских высоток искали в кремлевской архитектуре, в православной архитектуре… Они шли от этого и создали свой узнаваемый стиль. Я думаю, этот урок украинские, одесские архитекторы забыли. С одной стороны, они отдались импорту западных материалов и строительных технологий. Они думали, что пьют свежую кровь, но они ошиблись — в основном эти непроверенные рынком технологии себя не оправдали. Очень часто после годовой эксплуатации дома начинают падать, осыпаться, трещать, валиться… На самом деле, они расплатились страшно. Они не могут сегодня с гордостью сказать: «О, я построил это!», — им стыдно…

«Думская»: Ну хоть одно здание можете выделить из тех, что построены в Одессе за последние два десятилетия?

М.Н.-Я.: Мне нравится то, что построил Тарпан на Дерибасовской (речь идет о реконструированной гостинице «Большая Московская», — Ред.). Несмотря на то, что Одесса ропщет: «Вот, он добавил там два этажа». Ну и что? Елки-палки, он сохранил стиль здания, это самое главное. Он сохранил дух! Я помню, в каком состоянии было это здание в советские времена, в постсоветские, когда я приезжал сюда в 1990-х годах — это был ужас! Посмотреть на него сегодня — это же совсем другое дело. Вот поэтому я и говорю, что это грубость провинциального города, провинциальных людей, которым профессионалы не дали новых перспектив, не открыли окно в Европу, в мир, и не сказали: «Дети, смотрите, во всем мире строят делают вот так. Давайте, и мы будем строить Одессу XXI века, а не морочить друг другу головы».



«Думская»: Нашим читателям не понравится ваша позиция. Уж очень вы откровенны и прямы. Но давайте обобщим. В чем заключается главная архитектурная и градостроительная проблема Одессы?

М.Н.-Я.: В Одессе нет грамотных градостроителей. Дай Бог, чтобы ваш новый губернатор окружил себя грамотными людьми. Думаю, сейчас было бы неплохо думать не о генплане Одессы, а о генплане области, прежде всего. Вам сегодня нужно идти не от частного к общему, а начинать с общего и идти к частному. И я думаю, что сегодня «общее» — это область. Если мы в формате области сможем что-то сформулировать — я думаю, что-то может пойти новое для Одессы. Надо увязать город с областью — а они бьют морды друг другу по сегодняшний день…

Дети! Хватит бить морды друг другу и вставлять палки в колеса. Хватит! Это одно государство, это одни люди — давайте делать для людей, а не для себя. Но эти воровские ходы: «Это, бл…, твое, а вот это, бл…, мое!» — Они же делят до сих пор! «Область твоя, оставайся там, в области, а город мой». И все…

«Думская»: Подождите, сейчас у нас такого конфликта нет.

М.Н.-Я.: Это вам так кажется. Ваш новый Джугашвили… ох, извините, Саакашвили… Дай Бог, чтобы он что-то смог сделать. Но он все-таки не у себя дома. Скорее всего, он успеет сделать то, что надо в первую очередь. С таможней, например — дай ему Бог остановить там коррупцию. Но не знаю, успеет ли он дойти до градостроительства — это более длинный процесс. Я работал не только в Европе, но еще для советской Украины. В 1980-х трудился в Крыму, в Севастополе, в масштабах микрорайонов, районов. Поэтому я думаю, с моим градостроительным опытом мне есть о чем поговорить и с мэром города, и с губернатором области, чтобы найти общий язык и собрать какую-то очень интересную команду. В ней должны быть не только архитекторы, но и художники, и скульпторы. В ней должны быть ландшафтники, инфраструктурщики, сетевые специалисты, обязательно сельскохозяйственники, промышленники, девелоперы, банкиры, страховые компании — все это, конечно, без представителей власти. Представители общества. Если не будет такой команды, не будет ни города, ни области. Все!

Именно такие люди должны делать генплан. Конечно, должен быть авторский коллектив — всегда есть «ведущие» и есть исполнители. Но если мы не будем консультироваться с банками, девелоперами, с большими компаниями, портом и аэропортом — это будет не генплан. У вас сейчас не генплан, а черт знает что!

Да, это непопулярно, но нужно помнить и об интересах девелопера, и о рентабельности проекта, без этого ничего не будет. Необходимо искать варианты, как соединять их с интересами города. Вот пример. Самые красивые небоскребы Манхэттена построены по простому принципу. Есть земельный участок, он стоит «икс». Мне нужно построить на нем «игрек» этажей, чтобы окупить стоимость такого дорогого участка на Манхэттене. Без этого стройки не будет.

Но есть город, и город говорит: «Окей, мальчик. Ты строишь дом вот такой высоты?» — «Да». — «Но я хочу, чтобы в здании была изюминка, чтобы оно было замечательное». В итоге американские здания, как любые классические здания, разбиты на три цикла. То, что видит человеческий глаз — нижние пять, максимум десять этажей небоскреба — они их делают замечательными, разного стиля. Люди гуляют по Манхэттену среди дворцов. То, что в поле зрения — это замечательный вид и перспектива улицы.

Нижняя часть небоскреба играет на внешний вид улицы. Сверху, средняя часть — это десятки этажей, которые играют на рентабельность. Они проще по архитектуре и позволяют окупить стоимость земли. Для общего силуэта города, для вида с самолета, из других районов играет роль третья, самая верхняя часть. Здесь снова появляются интересы города, и верхушки тоже делают особенными.

Вот эти три цикла в целом отвечают интересам общества, и американские архитекторы нашли такую золотую середину. Ты нам отдаешь что-то такое, необычное, чтобы люди могли ходить по этим «стрит» и по этим «авеню» и любоваться чем-то новым. Ты строишь и зарабатываешь. И у них получается: каждое здание — какой-то отдельный мир, какая-то взлетающая ракета, и получается, что мы ходим по какому-то архитектурному музею. Это очень красиво. А с самолета, со смотровой площадки, с другого района города мы видим красивый и узнаваемый силуэт.

Когда-то ныне покойный Борис Давыдович Литвак провел меня на крышу своего десятиэтажного общежития, которое он построил для детского центра в глубине двора на Базарной. Конечно, панорама Одессы — она уникальная. К сожалению, одесские архитекторы не поняли эту «золотую формулу Манхэттена»: сделай что-то для людей, которые ходят по улицам — раз; сделай что-то для застройщика, который платит тебе деньги — два, и сделай что-то для города, что-то такое, чем бы город гордился — три…

Некоторые так делают, но в основном это пошлости — изогнутые железяки, натянутые какие-то пластмассы. Есть у вас здание около Сабанеева моста, я каждый раз, когда прохожу, ужасаюсь (речь идет о комплексе «Шахнаме», — Ред.). Купола какие-то есть, но они сделаны из обычной гнутой пластмассы. И когда смотришь на это непотребство, сравниваешь с верхушками манхэттенских зданий — ты понимаешь, что кто-то делает это навечно, а кто-то — только для того, чтобы получить разрешение на строительство.

Что сейчас нужно городу? Восстановить дом Руссова. Но рядом находится дом Либмана, и я предложил: давайте повторим фасад дома Руссова со стороны Преображенской и Пастера. Тогда дом Руссова будет смотреть не только на Садовую и Соборную площадь, но и на Преображенскую, и на Горсад. А в центре будет дом Либмана.

Получится настоящий «квартал» или «портал» Руссова — это то, что нужно одесситам. Но эту идею городу, людям никто не объяснял. Это может быть самая грандиозная стройка в городе. 100 тысяч квадратных метров — это получат инвесторы. Кроме того, это стало бы новым центром притяжения, это задало бы новый уровень для одесского бизнеса и политики: «Посмотрите, у нас же замечательный город, давайте сделаем тут что-то этакое».

Я не предлагаю делать здесь маленький Манхэттен. Хотя… Почему бы нет? Не стоит бояться смешения стилей — такое было всегда. Строили готический храм, потом к нему добавляли «возрожденческую» часовню — всегда как-то старались прилепиться, и получалось как-то правильно и как-то очень красиво. Потом приходило барокко и пристраивалось, потом неоклассик — я думаю, что в этом формате мы должны понимать и историю тоже. А иначе — не было бы этого замечательного архитектурного диалога между Либманом и Руссовым. Эти здания не соперничают, у одного было одно задание, у другого — другое. У дома Руссова четыре этажа, у Либмана — пять, и они почти на одном уровне, и при реконструкции их можно вывести в один уровень и получить полную визуальную гармонию.

Все, что находится ниже линии нынешней крыши (аттика) дома Руссова и дома Либмана — это, скажем так, уровень себестоимости проекта. Там планируется разместить торгово-выставочный центр, еще два этажа будут выделены под музейный центр и картинные галереи.

Городу нужен большой конгресс-холл, там можно проводить конференции, концерты, Мой друг Райхельгауз (театральный режиссер, — Ред.) сможет устраивать там свои спектакли, проводить фестивали — оперные, симфонические. Можно приглашать туда бизнес-туризм — его нет в Одессе. Если бы у нас был такой «маховик», где можно собирать конгрессы, собрания и разного рода крупные «ивенты», события, как это делают американцы… Плюс к тому, что уже есть в Одессе — это было бы огромным детонатором для того, чтобы все это заработало.

«Думская»: И все же, Одесса не одним домом Руссова богата…

М.Н.-Я.: Нет, конечно, это же морской город! Я помню, в 1981 году меня пригласили в Бостон. В то время там уже понимали, что город и порт чахнут, что все эти предпосылки и традиционные торговые пути уже не работают, и нужно что-то новое. Тогда они в старые портовые здания начали загонять музеи, выставки, торговые центры, рестораны, отдавать их частникам. В результате Бостон обновился и открылся в совершенно новом формате. Когда я был там второй раз, в 1986 году, это был совершено новый город. Собственно порт они вынесли за город, то же самое сделали в моей Барселоне, когда готовились к Олимпийским играм 1992 года. Они убрали индустрию от моря, вынесли ее налево и направо. Одессе тоже надо спуститься к морю!

У Одессы есть два огромных транспортных маховика: один к северу, который называется Южный, и второй южнее, который называется Ильичевск. Елки-палки! Зачем держать всю эту промышленную дрянь на золотой земле в центре города? Эти портовые участки — это же золотые прииски! Отдайте людям, но сначала сделайте нормальную генпланировку. Порт не принадлежит городу, он принадлежит государству. Область и государство могут договориться с городом, найти какую-то «антанту», какое-то единение, чтобы спустить город к морю! Вот когда город выйдет к морю, вот тогда появится новая Одесса, как появились новый Бостон и новая Барселона.

Мой сын Тимур учится в Барселонском университете, в здании, которое я построил. Он говорит: «Папа, как это замечательно: сесть в метро на горе возле университета, спуститься вниз к морю. Пока два часа перерыва — купаешься, загораешь, ешь бутерброд, читаешь конспекты. Потом полотенце кладешь в рюкзак, снова на метро — и опять учишься вторую половину дня». Раньше это делать было нельзя — там был порт.

Представьте, если бы из вашего университетского городка в центре города, на Дворянской и Пастера, можно было спуститься к морю, на пляж! Во времена моей молодости мы, дети, шли пешком до «массива» — это огромные железобетонные плиты, там где был Австрийский пляж (ныне контейнерный терминал, — Ред.). Для нас, детей, это был вызов, «челлендж» — там нельзя было зайти в море, как на Ланжероне, а нужно было бросаться сразу в воду, где глубоко, нужно было уметь плавать. Это было в самом центре города, и это было замечательно.

Из Одессы почти не видно моря. Одна из самых красивых морских перспектив Европы — Потемкинская лестница — безнадежно испорчена. Воткнули этот, извините, «голубой тампакс», гостиницу. И ради чего? «Кемпински» ушел, никто ее не эксплуатирует, замечательную панораму изуродовали. И нет ни у кого железных яиц в городе, чтобы это снести. Да, это принадлежит не городу, а порту. Порт — это Киев. И вот здесь, например, господин губернатор мог бы проявить свои два бронзовых яйца и сказать: «Я режу это. И приглашаю Нуньеса, чтобы сделать что-то интересное в этом месте» (улыбается).

А на самом деле, в этом месте нужно снести все. Потемкинскую лестницу, конечно же, не трогать. По бокам вынести два моста на уровне платформы морского вокзала, чтобы пешеходы, которые спускаются с лестницы, могли пройти туда. Что сейчас? Мы спускаемся с бульвара и попадаем под машину или в этот жуткий подземный переход.

Профессиональная этика требует, чтобы архитекторы не критиковали работу своих коллег. Но на самом деле, все только этим и занимаются. И вот самое интересное: ваши архитекторы шипят на все интересные и нестандартные проекты. Но где они все были, где были простые одесситы, когда убивали лучшую морскую перспективу Европы, которую построили специально для выхода к морю? Почему не устроили «Потемкинский майдан»? Никто не протестовал, в 1990-е годы все разворовывали советское государство, и вам было плевать на это здание.

«Думская»: Как вы относитесь к идее выноса административных функций из центра города на окраины? Вынести суды, прокуратуру, мэрию куда-то подальше, на Объездную дорогу?

М.Н.-Я.: Я бы спустил их на место нынешнего порта, в море, чтобы к ним было удобно добираться тем, кто подплывает к морю, и тем, кто идет отдыхать на пляж (смеется). А вообще, если бы они все стали умными, замечательными, то дом на Думской площади отдали бы под музей или факультет. Это прекрасное здание, там рядом Пушкин стоит — зачем там мэр, зачем там политика? Пушкин не любил политиков, поэтому пусть за его спиной будет что-то более подходящее.

В 2010-м году я регулярно по утрам бегал в Лунном парке, под Приморским бульваром. Естественно, я добегал до мэрии, и там было ужасно запущенное место. Однажды в интервью с каким-то журналистам я попросил передать Гурвицу, что у него под мэрией дерьмо — не со стороны бульвара, а со стороны парка. После второго раза, когда я это сказал, я с огромным удивлением увидел — какие-то рабочие чистят, собирают все это, и вдруг неожиданно там стало облагорожено. Впрочем, сейчас там все равно срач. Это позор для Одессы и одесситов. Как вы можете с этим мириться?

«Думская»: Вы видели надстройку на чердаке дома в самом начале Приморского бульвара (чердак Шмуклера, — Ред.)?

М.Н.-Я.: Это какая-то грубость, хотя в целом я не являюсь противником надстроек. Вернемся снова в мою Барселону. Во время подготовки к Олимпиаде очень много зданий в историческом центре отдали для достройки двух-трех этажей. Но это надо делать качественно и правильно, не искажая изначальной задумки, из легких материалов.

Я могу пройти с помощью Гугла по Барселоне, я покажу два, три, десять зданий с надстройками. Это старые здания, у владельцев которых нет денег, чтобы построить на их месте что-то новое. Им разрешили сделать надстройки. С одной стороны, это обогатило частника, с другой - здания приведены в порядок и сохранены исторические фасады.

В Нью-Йорке великий архитектор Норман Фостер взял исторический дом со скульптурами и вырастил над ним стеклянную коробку — и нет проблем. Это было сделано качественно и красиво. Увы, в Одессе я такого не наблюдаю.

В конце концов, сейчас люди берут незаконченную симфонию Моцарта и пишут к ней финал. У нас, в Барселоне, достраивают кафедральный собор, который сто лет назад начал строить великий Антонио Гауди. Он внесен в список памятников ЮНЕСКО, но его сейчас достраивают. Если это можно делать без Моцарта, без Гауди — то почему в Одессе люди устраивают какие-то истории? Причина одна: нет доверия к одесским строителям и архитекторам. Впрочем, здесь я понимаю одесситов.

Беседовали Николай Ларин и Сергей Дибров

Tweet 14 Это интересно 9 Я рекомендую 765
Наверх ↑

Новости по этой теме:

- Городские власти признают дом Русова аварийным, чтобы забрать его у Тарпана - 21 мая
- Одесский дом Руссова продолжает разрушаться: обвалились межэтажные перекрытия - 20 октября 2014
- В Одессе снова горел дом Руссова: пожар потушили быстро (фото) - 9 октября 2013
- Руины дома Руссова украсят портретом Костусева - 29 августа 2013
- Стало известно, во что превратится знаменитый Дом Руссова. Слабонервных просьба не смотреть (фото) - 3 декабря 2010
- Дом Руссова начали спасать - 30 марта 2010
- Новый пожар в Доме Руссова уже потушен - 29 декабря 2009
- Аптека Гаевского вернется в отреставрированный дом Руссова, а с Тарпаном будут проблемы - 12 ноября 2009
- Заключение МЧС: Дом Руссова подожгли неустановленные лица - 11 ноября 2009
- Директор "Экострой": "пожар ничего плохого не сделал дому Русова" - 11 ноября 2009

ЧТО НАС ЖДЕТ ЗАВТРА Светлана Фабрикант ВІДРОДЖЕННЯ
Реклама